

Лана Нежная

18+

ЗА ДВЕРЬЮ ЧУВСТВ

Лана Нежная

За дверью чувств

<https://litres.ru/74429734>

ISBN 9785007120173

Аннотация

«Красавица и Чудовище» на современный лад.

Он перекрыл мне выезд и предложил сделку: моя рука — в обмен на свободу отца. У него — компромат. У меня — безвыходность.

— Станешь моей женой. Родишь наследника.

— Вы сумасшедший?!

— Нет. Романов перечитал. Ты же больше по романам?

Я — редактор любовных романов. Я знаю, как заканчиваются сказки. Но эту придётся писать самой. И я не уверена, что Чудовище в ней станет принцем.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Света	5
Глава 2. Руслан	9
Глава 3. Света	15
Глава 4. Руслан	22
Глава 5. Света	28
Глава 6. Руслан	33
Глава 7. Света	39
Глава 8. Руслан	46
Глава 9. Света	52
Глава 10. Руслан	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

За дверью чувств

Лана Нежная

Дизайнер обложки Светлана Александровна Шевченко

© Лана Нежная, 2026

© Светлана Александровна Шевченко, дизайн обложки,
2026

ISBN 978-5-0071-2017-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Света

Сегодня я стала настоящей. Не «ассистенткой», не «стажёркой с перспективой». Светлана Владимировна Королёва, редактор. Моё имя — чёрным по белому на титульном листе. Мои правки — в финальном макете. А в сумке, на сиденье машины, конверт с золотым штампом: «Благодарность за профессионализм и вклад в издание». Премия. Первая. Настоящая.

Я вышла из машины, подставив лицо мелкому осеннему дождю.

Мама, ты видишь? — подумала я, сжимая сумку в руках. Два года без неё, а до сих пор ловлю себя на том, что хочу рассказать ей каждую мелочь. «Мам, сегодня я исполнила свою мечту!» Она бы улыбнулась, поправила мне прядь волос за ухо и сказала: «Моя девочка совсем выросла».

А папа... Папа заплачет. Точно заплачет. Он же каждый вечер спрашивал: «Ну как там твоя книга, доч?» — будто редактировала не чужой роман, а писала свой.

Поднимаясь по ступеням, я уже репетировала:
— Пап, смотри! Представляешь, издатель лично вручил!
Говорит, я «редактор от Бога»!

Дверь открыла сама. Тепло. Запах борща — папа опять пытался повторить мамин рецепт. И тут метнулся навстречу рыжий комочек.

— Микуля! — я присела, и Микаэла (по паспорту — благородная дама, а по душе — Микуля) впилась лапками мне в колени, облизывая подбородок. — Ты скучала? А я принесла тебе вкусняшки!

Я разделась, бросила сумку на пуф, конверт аккуратно положила сверху — и направилась к кабинету. Хотела ворваться с криком «Пап, у меня новости!»...

Но шаг замер.

Из-за приоткрытой двери доносился голос отца. Хриплый. Сдавленный. Такого я не слышала даже после похорон мамы.

— ...переоформим. Завтра.

Пауза. Потом — голос. Низкий. Ровный. Без единой трещинки. Ледяной.

— Готовы отдать самое дорогое, Владимир Николаевич. Так быстро? Не ожидал. Думал, повоюете.

Сердце глупо ёкнуло. Самое дорогое? Что это значит? Я приблизилась, прижавшись ухом к двери.

— Руслан, я был не прав. Ты вправе требовать компенсации, — прошептал папа. Голос — будто сквозь вату.

— Вы пытались лишить меня самого ценного. А я? Я хочу ваше самое дорогое. Почему так легко отдаёте компанию? Не понимаю... Или она для вас — ничто?

Какого хрена? — совсем не литературно всплыла мысль. Он отжимает бизнес? Но папа никогда...

Не сдержавшись, я распахнула дверь.

— Папа, что происходит?! Почему этот человек отнимает у тебя компанию? Мы вызовем полицию! Это шантаж!

Он поднял на меня глаза. И в них — мольба. Чистая, отчаянная мольба.

— Света... Уйди. Пожалуйста.

За столом медленно повернулся мужчина. Высокий. Костюм безупречен. Возраст — за сорок. Но я не запомнила черт. Только глаза. Серые. Как зимнее небо над пустырём. Холодные. Скользнули по мне — с ног до головы. Оценивающе. Бесцеремонно.

— Дочь, выйди, — прогремел отец.

— Нет, я хочу знать! — я бросилась к нему, схватила его ладонь. Ледяную.

Мужчина — Руслан — потёр подбородок. Уголок губ дрогнул. Не улыбка. Насмешка.

— Как интересно... — протянул он. — Владимир Николаевич, я только что понял. Вы отдаёте компанию, потому что есть кое-что дороже. А я хочу именно это.

Воздух застыл. Я похолодела.

— Её, — добавил он, не отводя от меня серых глаз.

Её. Меня.

— Нет... — голос папы сорвался. — Руслан, прошу... Возьми всё. Но не её. Она ни в чём не виновата.

Руслан встал. Подошёл к двери. Проходя мимо, бросил, не глядя:

— Решайте к утру. Или тюрьма. Или дочь переходит в

мои активы. Не буду уж совсем бесчеловечным — оформлю брак. Формально. Для приличия.

Дверь закрылась. Тихо. Окончательно.

— Папа?! — я бросилась к нему.

Он рухнул в кресло. Лицо — серое. Дыхание — короткое, клочущее. На висках — крупные капли пота.

— Сердце... — выдохнул он.

— Скорая! — Пальцы дрожали, телефон выскальзывал.

103. Адрес. Пожалуйста, быстро. Сердечный приступ. Папа...

Мика жалобно скулила, тычась носом в мои колени. Я прижала её к себе, чувствуя, как дрожит её маленькое тельце. Расстегнула папе воротник, налила воды — руки не слушались.

— Мы его спасём, Микуля, — прошептала я в её пушистую шёрстку. — Обязательно спасём.

Но впервые в жизни слова из моих любимых книг — «любовь спасёт», «судьба даст шанс» — превратились в пепел. Реальность оказалась не романом. Не фэнтези. Здесь нет волшебных амулетов. Нет рыцарей в доспехах. Есть только выбор. Или тюрьма. Или дочь уходит в мои активы. И выбор очевиден. Я не допущу, чтобы отца посадили. Никогда. Вот так бывает в жизни. Сегодня я стала настоящим редактором. А завтра... завтра я стану чьим-то «активом». Чьей-то женой. Условием спасения отца. Слёзы катились горячими ручьями.

Глава 2. Руслан

Задолбался. Как же я, чёрт возьми, задолбался. Я сжал руль так, что костяшки побелели, но разжимать не стал. Пусть кожа салона помнит силу моих пальцев. За окном мелькали огни. Дождь барабанил по крыше, заглушая тишину внутри — но не ту тишину, что в салоне, а ту, что поселилась в голове.

Строишь бизнес. Выстраиваешь его по крупичкам, по кирпичикам, годами. Бессонные ночи, отсутствие личной жизни, компромиссы с совестью. А потом находится кто-то, кто хочет просто взять и отжать. Ещё и незаконно. Подлю.

Мы же не в девяностых вроде живём? Или я просто состарился и пропустил момент, когда правила игры снова изменились?

Пока разрулил эту ситуацию с Королёвым, нервов потратил кучу. И так уже седина попёрла на висках, а такими темпами вообще поседею раньше времени. Стану совсем старым волком в одиночестве.

Зато теперь у меня в портфеле лежит папка. Компактная, чёрная, тяжёлая, как приговор. Внутри — компромат на Королёва. Нормальный вроде мужик всегда был. Работали честно, руку жали. Чего его переклинило на такую аферу, на попытку кинуть меня через подставные фирмы — непонятно. Жадность? Страх? Или просто решил, что я ослаб?

Бумеранг — он, сука, такой. Никогда не знаешь, когда вернётся и куда ударит. Хотел у меня отжать актив, а в итоге отожду я. Ну или пусть садится. Статья там подобрана аккуратно, срок светит реальный.

Я свернул к его дому.

Королёв встретил на пороге, молча провёл меня в кабинет.

— Садись, Руслан, — голос у него дрогнул.

Я не сел. Положил папку на стол. Удар кожи о дерево прозвучал как выстрел в тишине.

— Читать будешь или сразу в прокуратуру звонить? — спросил я спокойно. Слишком спокойно для человека, у которого внутри всё кипело.

Королёв посмотрел на папку, потом на меня.

— Не надо, Руслан. Я... я виноват. Понимаю. — Он провёл ладонью по лицу. — Готов компенсировать. Всё. Переоформлю свою долю в компании на тебя. Полностью. Завтра. Так будет честно.

Он согласился так легко. Слишком легко.

Я ждал сопротивления, торга, попыток выкрутиться. А тут — мгновенная капитуляция.

И я не почувствовал удовлетворения. Никакого триумфа.

В этот момент дверь кабинета распахнулась. Резко, без стука. В кабинет влетела девушка.

Воздух в помещении изменился мгновенно. Появился аромат — свежий, лёгкий. Что-то цветочное, но не притор-

ное.

Она была молодой. Лет двадцати. Красивой. Настоящей. Живой. Глаза испуганные, но горящие.

Угрожала полицией. Встала между мной и отцом. Инстинктивно. Защищая.

А он защищал её.

И в этот миг я понял, кто передо мной. Дочь. Его драгоценность. Самое ценное, самое дорогое, что у него осталось.

Никогда не считал себя мудаком. В бизнесе я акула, да. Но в жизни старался держать слово. А тут, глядя на неё, я почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. Перемкнуло.

Моя одинокая, выжженная пустыня внутри вдруг потребовала воды.

Я смотрел на неё, а она смотрела на меня с вызовом. В её взгляде не было подобострастия, которое так раздражало в других.

Потом я перевёл взгляд на отца.

Меняю условия. Требую её. В жёны. Просто. Будто обсуждал цену на нефть. Вместо доли — она станет моей женой, и мы в расчёте. Или он сядет. Время даю до утра.

Королёв побледнел ещё больше, если это было возможно. Я развернулся и пошёл к выходу.

У самой двери, на пуфике, лежала женская сумка. Сверху — конверт. Я остановился. Глаз цепляется за детали, это профессиональное. Золотой штамп на углу бумаги. Я поднял конверт, прочитал.

Как интересно. Редактор...

Через пару часов я сидел в своём кабинете. Передо мной лежало досье. Моя служба безопасности работает быстро. Слишком быстро — иногда это пугает.

Светлана Владимировна Королёва. 25 лет. Замужем не была. В отношениях не состоит. Работает в издательстве уже два года, прошла путь от корректора до редактора отдела современных романов.

Я листал страницы, и уголки губ невольно ползли вверх. Филфак с отличием. Красный диплом. Организатор благотворительного книжного клуба для детей из детдомов. Куча конкурсов, наград, номинаций за литературные проекты. Она какой-то литературный гений. В приложениях — ссылки на её статьи: и про классику, и про современные романы, и даже про фэнтези. Чего там только нет. Глубокий анализ, живой язык.

Я переключился на раздел «Социальные сети».

Простые фото. Книги, кофе, парк, собака, какие-то выставки, литературные мероприятия. Никаких «утиных губ», никаких селфи в зеркале элитных клубов с бокалами. Глубокие мысли в подписях. Цитаты. Без «Меня сложно найти и легко потерять».

Умная девочка.

Я откинулся в кресле, потёр переносицу.

Я такую давно ищу. А попадают только дуры. Красивые,

ухаживать, с идеальным маникюром и пустыми глазами. Им нужен мой счёт в банке, мой статус.

А эта...

Умная. Красивая. Комбо. Мне такая нужна. В жёны. Срочно.

Мне уже сорок пять. Цифра, которая ещё вчера казалась просто числом, сегодня давила весом прожитых лет. У меня ни семьи, ни детей. Только бизнес. Империя, которая не греет по ночам.

А я хочу. Последнее время прям сильно хочу. Не секса на одну ночь. А уюта. Тепла. Жену. Детей. Не одного — нескольких. Хочу слышать топот маленьких ног в коридоре и смех. Может, живность какую. Кота или собаку. Золотистого ретривера, например. Самому себе заводить не вижу смысла. А вот если семья — то другое дело.

Я обвёл взглядом свой кабинет.

Отстроил домину за городом. Дорого, богато, идеально. Но эхо гуляет. Шагнёшь — и звук разносится по пустым комнатам. Живу один. Домработница приходит на пару часов: убирает пыль, которую я не успеваю нажить, готовит. У охраны свой домик на въезде, они не в счёт.

По вечерам я хожу по этому дому как кентервильское привидение. Цепей не хватает. Ходить и трясти ими, пугая тишину.

Я успешен. Я богат. Я одинок.

Я снова посмотрел на фото в досье. Светлана искренне

смеялась на одном из снимков, держа в руках стопку книг. Её глаза шурились от радости, и на щеках проступали ямочки.

В груди заныло. Тупо, настойчиво.

— До утра, — прошептал я в пустоту кабинета и выключил планшет.

Это шантаж. Я понимаю. Это подло. Это не по-рыцарски. Но я устал быть правильным.

Завтра будет трудный день. Королёв не отдаст её просто так. Но я видел, как она встала между мной и отцом. Она умеет защищать тех, кого любит.

Мне нужно шантажировать не его. А её.

Глава 3. Света

Сирена скорой резала слух, но я слышала только папино дыхание — хриплое, прерывистое. Его рука сжимала мою, пальцы ледяные.

— Дочь... — голос еле слышен сквозь кислородную маску. — Если Резников завтра приедет... ни на что не соглашайся. Это моя ошибка. Андрей... он меня подставил. Хотел слияния с компанией Руслана, но незаконно. Я пошёл на поводу. Жадность... — он закашлялся, глаза закатились. — Пусть сажают. Я виноват.

Слёзы катились по щекам, я вытирала их рукавом.

— Нет, пап, я не позволю!

— На тебя оформлена доля... недвижимость... ты не останешься без крыши. К дяде Боре обращайся. Он всё знает. Не даст тебя в обиду. — Его пальцы сжались сильнее. — Не порти себе жизнь. Он тебя сломает.

В больнице — суматоха, белые халаты, запах антисептика. Дядя Боря приехал через двадцать минут: высокий, седой, родной — с лицом, похожим на маму. Её старший брат. Ему я могла верить.

— Я же говорил им: не связывайтесь с Резниковым! — он сжимал кулаки, глядя на закрытую дверь реанимации. — Андрей... семь лет работал, а теперь? Жадность сгубила. Пора разрывать с ним контракт.

— Дядь Борь... он правда может отправить папу в тюрьму? — голос дрогнул.

— Поеду к нему. Резников — не дурак. Договоримся. Он же нормальный мужик... вроде.

Но в его глазах — сомнение. И страх.

Меня отправили домой. «Отдыхай, Света. Мы позвоним». Но сна не было. Мика металась по квартире, скулила, тыкалась носом в пустое кресло отца. Я обняла её, прижала к себе.

Ты тоже скучаешь, Микуля?

Утро. Суббота. Выходной. А у меня — ком в горле.

Кофе. Творог с орехами — мамин рецепт. Фрукты. «Завтрак как в счастливые дни», — думала я, глотая слёзы. «Сегодня будет счастливый день. Просто другой».

Выезжаю за ворота.

Дорогу перегородаживает чёрный джип. Массивный. Как скала.

Сердце колотится в висках. Телефон в руке. Нужно набирать дядю Борю...

Не успела.

Стук в окно. Жест: опусти.

Руслан Резников. Серое пальто. Серые глаза. Ледяной взгляд, от которого мурашки бегут по спине.

Опускаю стекло на пару сантиметров. Холодный воздух врывается внутрь.

— Ну что, Светлана? Поговорим?

— О чём? Нам не о чём с вами разговаривать.

— Как же не о чём? Вчера обозначил позицию. Я человек слова. — Он наклоняется ближе. Запах дорогого одеколona. — Все доказательства — в полиции. Ждут команды «фас». И вместо лечения твой отец поедет в другое казённое заведение. Там с ним церемониться не будут. А здоровье... хрупкая штука.

— Чего вы хотите? — шепчу, сжимая руль.

— Сказал вчера. Тебя.

— Зачем? Отцу отомстить? Он же с приступом в больнице!

— Недостаточно. Станешь моей женой. Родишь наследника. И деда моего ребёнка я разорять не стану. Логично?

— Вы сумасшедший? Какой наследник?! Вы фильмов пересмотрели?!

— Нет. Романов перечитал. Ты же больше по романам? — уголок губ дрогнул. Не улыбка. Насмешка.

Откуда он знает?!

Сердце замерло. Уже пробил. Изучил. Как персонажа в книге.

— Я отказываюсь.

— Твоё право. Ты в этой ситуации разменная монета. Не виновата в грехах отца. — Он разворачивается, достаёт телефон. — Прощай. И поторопись в больницу. Можешь не успеть.

Он же не посмеет? Или посмеет...

Выскакиваю из машины.

— Не договорились!

Но он уже прижал телефон к уху. Слышу его голос:

— Отдай команду.

— Стойте! Руслан, подождите!

Он останавливается. В трубку:

— Тормозни. Перезвоню. Переговоры ещё не закончены.

— Вы серьёзно это сделаете? — голос срывается. Слёзы подступают. — Он болен! Ему нужна помощь!

— Возможно, разрешат лечиться во время следствия. Не специалист. Уточняй в органах.

— Вы же понимаете, что после этого я никогда вас не люблю? Зачем вам такая жена?

— Мне твоя любовь не нужна. Нужен наследник. Справишься?

— Я не знаю...

— Значит, до свадьбы проведём чек-ап. Проверим женское здоровье. Бесплодная жена мне ни к чему. У меня всё в порядке.

Чудовище.

Он готов взять в жёны практически незнакомую женщину и завести с ней ребёнка — просто чтобы отомстить человеку и обезопасить свою компанию.

— Поехали в клинику. Сейчас решим этот вопрос.

Я киваю. Не потому, что хочу. А потому, что не могу иначе. Ради папы. Ради того, кто ради меня отдал бы всё. У меня

просто нет другого выбора.

— Хорошо.

Забираю сумку. Оставляю машину перед воротами. Закрытый посёлок. Камеры. Охрана. Ничего не случится. А вот со мной уже случилось.

Едем молча. Он — в планшете. Я — в тумане. За окном мелькают дома, люди, чьи жизни нормальные. А моя... моя превратилась в сценарий из дешёвого триллера. Только без хэппи-энда.

Клиника. Современная. Стекло, хром, тишина. Центр планирования семьи и репродукции. Ирония? Нет. Цинизм. Наша тема как раз репродукция. Я нужна как инкубатор. Семью мы не планируем.

Он быстро решает все вопросы на ресепшене. Заходит в кабинет к врачу вместе со мной.

— А вы куда?!

— С тобой. Мне нужно быть уверенным на сто процентов. Вдруг подкупишь врача? Напишет, что бесплодная.

Больной. Реально больной.

Врач — женщина лет пятидесяти, спокойная, доброжелательная. Но вопросы режут. Приходится отвечать на них при постороннем мужчине. Очередной вопрос вводит в оцепенение.

— Когда началась половая жизнь?

Я молчу. Глаза в пол. Щёки горят.

— Светлана, не стесняйся. Мне не принципиально, —

Руслан произносит это так, будто спросили: «Чай или кофе?»

— Можете выйти? — шепчу.

— Нет. Не заставляй повторять.

Сглатываю ком. Смотрю в пол.

— Не было.

— Что? — переспрашивает врач.

— Не было у меня... половой жизни.

Тишина. Только стук моего сердца. Бум-бум-бум. Стыд. Унижение. Я редактор романов, а сейчас чувствую себя героиней из самого тёмного сценария. Только без надежды.

Потом ещё какие-то вопросы. Врач выписывает направление на анализы и УЗИ.

— Выйди. Я с врачом поговорить хочу, — говорит он.

Я подрываюсь и вылетаю в коридор.

Дальше — анализы. УЗИ. Он водит меня по кабинетам, как надзиратель. Деньги решают всё — за час всё готово. Некоторые результаты — через три дня.

Выходим. Холодный ветер обжигает лицо. Свобода? Нет. Лишь передышка.

— Я свободна на сегодня? — спрашиваю, не глядя на него.

— Да. Куда тебе? Подброшу.

— Спасибо, сама. — Открываю приложение такси. Пальцы дрожат.

— Хорошо. Заеду за тобой во вторник. В пятнадцать

НОЛЬ-НОЛЬ.

— А я вам нужна? Вы же можете забрать результаты сами.

— Нужна. Будем планировать беременность. Без тебя никак.

— Я сама приеду. С работы.

— Договорились. Во вторник в шестнадцать — здесь.

Он разворачивается и уходит. Я стою у входа, сжимая сумку. Ветер треплет волосы. Где-то вдалеке смеются дети. Жизнь идёт. А моя остановилась.

Глава 4. Руслан

Утро началось не с кофе. Доложили коротко, но от этих слов внутри всё похолодело.

— Королёв в больнице. Сердечный приступ.

Я отложил планшет, посмотрел в окно на серое небо.

Довёл.

Ясно как божий день. Бизнес он готов был отдать — под-писывай только бумаги. Но дочь? Нет...

Вроде бы всё. Стоп. Отомстил? Отомстил. Владимир в ре-анимации. Чего ещё надо?

Но нет. Внутри закипало что-то горячее. Азарт? Нет, ху-же. Зацепила она меня. Те ямочки на щеках, которые мель-кали на фото, не давали покоя. Хотел увидеть их вживую. Убедиться, что они настоящие. Что она настоящая.

Через час я уже стоял у ворот их дома. Ждал.

Когда створки наконец разъехались, я плавно подъехал, перекрывая ей выезд.

Она вела машину сама. Умница какая. Руки на руле, взгляд упёрся в меня сквозь лобовое стекло. Ни тени страха — только ледяное презрение.

Достала телефон — наверное, хотела кому-то позвонить. Но нам сейчас посторонние ни к чему.

Я вышел, постучал в окно. Она опустила стекло.

— Ну что, Светлана? Поговорим?

— О чём? Нам не о чем с вами разговаривать.

Привычка добивать любые переговоры, ломать оппонента, пока он не подпишет всё, что нужно, сработала автоматически. Я блефовал — но в моих словах было столько стали, что она поверила. В её глазах я окончательно превратился в монстра.

Дальше я вообще начал жестить. Сам не понимаю зачем. Наследник мне нужен? Да, так-то нужен. Но не таким способом, как я это озвучивал. Не через террор.

В клинике меня ждал очередной сюрприз. Девочка, с её слов, невинная. А врач, которой я заплатил за честность, подтвердила.

В тот момент я должен был остановиться. Вроде бы пора завязывать: побыл конченным гандоном — и хватит. Но нет. Не хочу её отпускать. И всё тут.

Я решил взять паузу. Перевести дух. Назначил разговор на вторник, после очередного приёма у врача.

А до встречи засыпал с её досье. Перечитывал строчку за строчкой, будто искал в них ответ на вопрос, которого даже не формулировал.

Читал её старые статьи — да, она писала. Не для глянца, не для хайпа. Короткие, честные тексты в университетском журнале, потом — колонки в местном издании.

В её текстах не было злобы. Даже когда она писала о несправедливости — не обвиняла. Просто показывала. Как будто верила: если человек увидит это, он сам передумает.

Но зацепила меня старая статья про сказку... Сказку, мать её...

Студенческий журнал филфака. Задание по курсу «Психология в литературе». Тема — диагнозы героиням сказок.

Там были Золушка, Русалочка, Покахонтас, Алиса, Спящая красавица, Белоснежка, какая-то Эльза (кто это вообще такая?) с тревожным расстройством личности и Белль из «Красавицы и Чудовища».

Про всех не читал. Только её статью.

«Красавица и Чудовище: когда пламя любви рождается в темнице» Автор: Светлана Королёва, студентка 2 курса

В детстве мы читаем сказку «Красавица и Чудовище» как историю о доброте, преодолевающей страх. Нам говорят: «Смотри, как важно видеть сердце за внешностью!» — и мы верим. Но, повзрослев, начинаешь замечать тревожные тени в этом, казалось бы, светлом повествовании. Ведь Белль не пришла к Чудовищу по доброй воле. Её отец нарушил границы его владений, был пойман, а она согласилась остаться в обмен на его свободу. То есть — добровольный залог в условиях вынужденного торга. Звучит ли это как начало здоровых отношений? Сегодня я не уверена.

Меня давно занимает вопрос: где грань между трансформацией чувств и психологической зависимостью? Особенно когда речь идёт о динамике, начавшейся с принуждения. Современная психология называет это стокгольмским синдромом — состоянием, при котором жертва начинает испыты-

вать симпатию, привязанность или даже любовь к своему захватчику. Это защитный механизм: мозг, чтобы выжить в условиях угрозы, перестраивает восприятие реальности. «Если он хороший, значит, мне не так страшно», — шепчет подсознание.

Но что, если за этим «хорошим» действительно скрывается человек? Что, если Чудовище не просто перестаёт быть угрозой — а становится другом, собеседником, опорой?

Именно здесь сказка делает решительный поворот от мрачной аллегории к надежде. Чудовище не насилует Белль. Он даёт ей комнату, книги, уважает её границы. Он не требует любви — он просит лишь одного: «Оставайся со мной». И когда она уходит — он отпускает. Даже зная, что это может стоить ему жизни.

Вот в этом моменте и происходит главное: переход от зависимости к выбору. Белль возвращается не потому, что боится, не потому, что обязана, — а потому что хочет. Потому что поняла: за грубой скорлупой — душа, способная на жертвенность. И тогда любовь перестаёт быть симптомом травмы — она становится актом свободы.

Я долго размышляла: можно ли считать такие отношения «настоящими»? Ведь они начались с неравенства, с давления, с боли. Но, возможно, именно поэтому они и становятся такими глубокими. Не потому, что всё было идеально с самого начала, а потому, что оба прошли через тьму — и выбрали друг друга вопреки ей.

Иногда мне кажется, что настоящая любовь — не та, что зарождается в саду под луной, а та, что пробивается сквозь трещины в стенах темницы. Та, что начинается с недоверия, страха, обиды... но не останавливается на них. Та, что говорит: «Я видела тебя в самом худшем — и всё равно остаюсь».

Конечно, в реальной жизни всё сложнее. Не каждое «Чудовище» раскаивается. Не каждый «заложник» получает свободу. И далеко не всегда за жестокостью следует доброта. Поэтому я не призываю романтизировать токсичные отношения. Напротив, сказка важна именно как метафора исцеления, а не оправдание насилия.

Но если однажды человек, причинивший боль, искренне меняется — и если другой, пройдя через страх, свободно выбирает остаться... разве это не чудо? Не волшебное превращение зверя в принца, а настоящее, человеческое чудо.

Ей было девятнадцать, когда она писала эту статью. Со всем ребёнком.

Я проводил аналогию с нашей ситуацией и понимал: я не монстр. Я то самое чудовище...

Во вторник я приехал раньше.

Кабинет врача. Я сидел, развалившись в кресле, и слушал сухие факты.

— Состояние прекрасное. Молодая, здоровая. Репродуктивная система в полном порядке. Рожать и рожать, Руслан Александрович.

Я кивнул, но внутри скребло. Когда Светлана вошла, я уже стоял у окна. Твёрдо решил больше её не пугать. Быть нормальным.

Врач начала объяснять про благоприятный период, овуляцию, календарь, график.

Я видел, как краска сходит с её лица. Как взгляд теряет фокусировку. Она побледнела так, что стало страшно.

— Света? — Чёрт!

Я бросился к ней. Схватил папку со стола, начал обмахивать. Легонько похлопал по щекам.

— Света! Дыши. Слышишь? Дыши!

Бестолку. Она потеряла сознание.

Я по-настоящему испугался. За неё.

Гореть тебе, Резников, в аду за это. У отца приступ, девочка в обмороке. Совсем ёбнулся? Чудовище!

Нужно заканчивать этот цирк. Немедленно.

Глава 5. Света

В больнице я молчу про Резникова. Ни слова.

Отец лежит, бледный, но глаза — живые. Он пытается улыбаться, говорит, что всё под контролем, что «дядя Боря договорится», что «всё уладится». Но я-то знаю, что ничего не уладилось. Я соврала ему, что никто сегодня ко мне не приезжал. Соврала легко, почти без запинки. Просто потому, что он не должен волноваться. Ему сейчас нельзя.

Он пробудет в больнице ещё неделю. Выглядит... неплохо. Но каждый раз, когда я выхожу из палаты, сердце колотится так, будто вот-вот выскочит.

Дома — хуже. Там тишина давит. Я хожу, как затравленная, не могу усидеть на месте. Сплю плохо. Мысли крутятся, как торнадо.

Пытаюсь представить, что будет дальше. Допустим, всё хорошо. Значит — свадьба. И... делать наследника. Как вообще... спать с ним? Он же чудовище. Монстр в дорогом костюме. Закрывать глаза и терпеть? И так сколько раз?

А ведь я мечтала о любви. Настоящей. Искренней. Взаимной. О том, чтобы встретить человека — одного — и остаться с ним навсегда. Чтобы было тепло, доверие, уважение.

Он отстанет, если я забеременею? Может, стоит сразу всё обговорить. Брачный договор. Условия. Границы. Пусть знает, что я не игрушка.

А если анализы плохие? Что тогда? Он же отправит отца в тюрьму. Что ему тогда предложить? Мою жизнь?

И тут — другая мысль. А если всё-таки ребёнок? Мы будем жить вместе. В одном доме. С этим мужчиной, которого я ненавижу. Не хочу видеть. Какая участь ждёт ребёнка в такой семье? Что он получит? Любовь? Трещины в душе? Я для своего ребёнка такого не хочу, кем бы ни был его отец...

Нет. Так не пойдёт.

Я забеременею и уеду. Обратно к отцу. Буду воспитывать сама. Пусть у него будет наследник, как он хотел. Бизнес его драгоценный будет неприкосновенен. Тронули, видите ли, его самое дорогое... Ничего он в жизни не понимает: самое дорогое — это близкие люди.

Чудовище...

А потом — развод. Кто мешает? Суд всегда на стороне матери. Ребёнок останется со мной. И пусть он приезжает... раз в неделю... если захочет. Хотя лучше вообще никогда.

Голова раскалывается от всего этого. Но я сажусь за стол, включаю свет и начинаю писать. Чётко. По пунктам. Вопросы, которые нужно задать ему при следующей встрече. Потому что я не хочу быть жертвой.

С работы меня отпустили без лишних вопросов. Даже сочувственно кивнули. Руководство в курсе моей «семейной драмы», и это удобно. Ложь во спасение? Неважно.

До клиники доехала как в тумане. Тело работает автома-

тически, глаза смотрят на знаки, а мысли уже в клинике.

Заезжаю на парковку. И первое, что вижу, — его машину. Он уже здесь.

Сердце делает неприятный кувырок. Я глушу мотор, сижу ещё минуту, пытаюсь выровнять дыхание. Зеркало заднего вида отражает бледное лицо с тенями под глазами.

— Соберись, Света, — шепчу я отражению.

Внутри клиники пахнет стерильностью и дорогим кофе. Тишина. Его нигде нет. В зоне ожидания пусто. Я опускаюсь на жёсткий кожаный диванчик прямо перед заветной дверью. До приёма ещё десять минут. Десять минут тишины, которая звенит в ушах.

Я тереблю ремешок сумки.

— Светлана Владимировна?

Вздрагиваю. Передо мной стоит девушка с ресепшена. Улыбка дежурная, глаза внимательные.

— Вас уже ждут в кабинете. Руслан Александрович внутри. Проходите, пожалуйста.

Она не просто говорит — она буквально провожает меня до двери. Стучит костяшками пальцев и, получив разрешение изнутри, распахивает дверь, словно впускает меня в клетку.

В кабинете прохладно. Врач сидит за столом. А он... Руслан... Александрович стоит у окна. Спинай ко мне. Разворачивается, когда я вхожу.

— Здравствуйте, — мой голос звучит чужим, хриплым. Я

смотрю на врача, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Врач кивает приветливо. Руслан просто молча кивает в ответ. Но делает шаг вперёд, отодвигает для меня стул у стола. Жест плавный, почти галантный.

Боже... Зачем?

Эта забота сейчас душит меня сильнее, чем любое равнодушие. Я чувствую себя куклой, которую усадили на положенное место.

— Спасибо, — бормочу и опускаюсь на край стула. Пальцы до белизны сжимают ручки сумки, лежащей на коленях. Костяшки побелели.

Сейчас прозвучит приговор. А я не готова ни к одному варианту.

Врач складывает руки в замок, смотрит на меня поверх очков.

— Ну что ж, Светлана Владимировна. Я изучила ваши анализы. Поводов для паники нет. Все показатели в пределах нормы.

Я моргаю.

— В смысле?

— В прямом, — она улыбается. — Физически вы полностью готовы. Можно планировать беременность. Я выпишу витамины, добавлю фолиевую кислоту, специальные БАДы для поддержки. И, разумеется, нужно будет контролировать календарь овуляции. Вести график половых актов.

Она говорит ещё что-то про режим, про отказ от кофе,

про спокойствие. Слова сыплются на меня, как горох.

Можно планировать. Нужно контролировать. Лучшие даты.

Воздух в кабинете вдруг становится густым. Я пытаюсь вдохнуть, но грудная клетка не расширяется. Лёгкие словно слиплись.

— Я... — начинаю я, но звука нет.

В ушах нарастает гул. Стены кабинета медленно плывут, сдвигаются к центру. Лицо врача расплывается в пятно. Я вижу, как она резко поднимается, кричит в коридор:

— Воды!

А Руслан не кричит. Он наклоняется ко мне так близко, что я чувствую запах его парфюма — терпкий.

Он хватает со стола какую-то папку и начинает махать ею перед моим лицом, разгоняя этот удушливый, невидимый туман.

Его глаза встревоженные. В них нет прежней холодности. Только страх. За меня? Или за план, который рушится?

Мир сужается до точки. До его голоса.

— Света... — он говорит тихо, но этот звук пробивается сквозь вату в голове. — Дыши. Слышишь? Дыши.

Последнее, что я осознаю, — это его руки на моём лице.

А потом темнота накрывает с головой. Мягкая. Беззвучная.

Глава 6. Руслан

Медсёстры вбежали в кабинет. Меня оттеснили. Я отошёл в сторону, чувствуя себя лишним в собственной драме. Наблюдал, как они приводят её в чувства.

Спустя несколько минут она открыла глаза. Села, поправляя волосы, и посмотрела на меня виновато.

— Извините... Я перенервничала, — тихо сказала она, как только поняла, что случилось.

Врач что-то щебетала про сосуды, про стресс, желала нам успехов. Я кивал механически.

Мы вышли в коридор. Тишина давила на уши.

— Мне в аптеку нужно, — сказала она, не глядя на меня.

— Вы можете ехать. До свиданья.

— Зачем тебе в аптеку? — я преградил ей путь.

— Мне же прописали витамины... там всякие... — она говорила растерянно, доставая лист с рекомендациями из папки.

— Не нужно ничего, Свет.

Она вскинула на меня глаза. В них плеснулся ужас.

— Как не нужно? Вы отказываетесь от договорённости? От своих слов?

Я потёр переносицу.

Как ей так сказать, чтобы она меня совсем ебанутым не посчитала?

— Свет...

— Нет, Руслан Александрович, — перебила она, и в голосе появилась сталь. — У меня правда всё хорошо со здоровьем. Это всё нервы. Отец... потом это... Я просто перенервничала, правда. Я смогу родить вам наследника.

Эх... Дурочка.

Она думает, я передумал из-за обморока.

— Я хотела с вами условия обсудить, — продолжила она торопливо, боясь, что я уйду. — Мы же можем брачный договор составить, да? Давайте где-нибудь обсудим?

Я посмотрел на неё. Хрупкая, бледная, но готова сражаться за свои условия. Даже в таком положении.

— Поехали в ресторан, — предложил я. — Поужинаем и обсудим.

После ужина я её отпущу. Просто... пусть со мной ещё немного побудет. Мне нужно было ещё немного времени.

— Давайте. Куда?

Я назвал ресторан поблизости. Небольшой, тихий и уютный.

— Хорошо. Я только на своей поеду, чтобы тут не оставлять и не возвращаться за машиной.

Мы вышли, разошлись по автомобилям. Я пропустил её на выезде из клиники, но приехал первым. Ждал у входа.

В ресторане нас проводили в закрытую кабинку. Мягкий свет, тишина. Официант принял заказ и растворился.

— Давай после еды обсудим, — попросил я. — Можем

сейчас просто поговорить. Как два обычных человека.

Но разговор не клеился. Она сидела напряжённая, словно на допросе. Я уже хотел махнуть рукой и отпустить её домой, как она вдруг полезла в сумку.

— Я составила список вопросов. Можем их обсудить?

Мне стало интересно.

— Ну давай.

Она достала листок, выровняла его на столе.

— Вам же нужен один наследник, правильно? — спросила она, не поднимая глаз.

— Нет, почему? — я удивился искренне. — Я хочу большую семью. Двоих, может, троих...

Лицо её побледнело ещё сильнее. Она медленно положила листок.

— А я... нужна только чтобы родить их, или...

Голос дрогнул.

— Нет, Свет, — я подался вперёд, стараясь, чтобы она увидела мои глаза. — Мне жена нужна. Настоящая. Со всеми вытекающими. Хозяйка в доме. Мать моих детей. Моя опора. Моя женщина.

Она моргнула, словно пытаясь сфокусировать зрение.

— То есть... вы хотите... вы хотите полноценную семью?

— Да. Разве я не заслуживаю? — в моих словах прозвучала горечь, которую я не планировал показывать. — Я готов обеспечивать. Заботиться. Уважать. Любить...

Последнее слово повисло в воздухе. Она смотрела на ме-

ня как на сумасшедшего с диссоциативным расстройством личности. И я её понимал.

Вчера: «Роди мне наследника». Сегодня: «Хочу семью, нормальную, полноценную».

Она бегала глазами по своему списку вопросов. Похоже, все остальные пункты отпали, потому что она молчала, кусая губу.

— Что, вопросы закончились? — мягко спросил я.

— Нет, просто они про другое... — говорит, а руки подрагивают.

— Про что, если не секрет?

Она вздохнула, и в этом вздохе было столько усталости, что мне захотелось просто обнять её.

— Я вас не так вчера поняла, — тихо начала она. — Думаю, вы хотите наследника, чтобы бизнес обезопасить. И что как только я забеременею, вы меня можете отпустить. Ребёнок, по факту, вам в таком случае не особо нужен... Я бы сама воспитала и жила бы своей жизнью... Хотела обсудить эти условия.

Она говорила совсем печально. Без надежды.

— И ты была готова растить и воспитывать моего ребёнка сама? — переспросил я.

— Конечно, — она подняла на меня взгляд. В её глазах не было ни капли лжи. — Я бы его очень любила. И воспитала бы хорошим человеком.

— Любила бы?

— Конечно. Это ведь и мой ребёнок.

— Но способ его появления? Условия... Всё, что происходит сейчас.

Она пожала плечами, словно это было очевидно.

— Ну и что? Ребёнок же ни при чём... Знаете, у мужчин немного не так всё устроено. Женщины любят своих детей безусловно. Вот он есть — и его уже любят. За то, что он просто есть.

Она положила ладонь на живот, ещё плоский, где никого не было.

— Как можно носить ребёнка под сердцем девять месяцев и не полюбить его? Это же просто невозможно.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри что-то надламывается.

Она говорила о любви как о данности, как о законе природы, который нельзя нарушить.

— Невозможно, — повторил я её слова, пробуя их на вкус.

— Да, — кивнула она. — Невозможно.

Может, у меня реально проблемы? Становится самому страшно. Я уже не контролирую, чего хочу больше: чтобы она была счастлива... или чтобы она была рядом.

С одной стороны, хочу отпустить. Просто отпусти. Пусть живёт спокойно. Может, я её и надломил, но не сломал. Ещё есть шанс, что забудет всё это как страшный сон. И будет счастлива. По-настоящему.

А с другой...

Чёрт возьми, я не хочу её отпускать.

Хочу оставить себе. Хочу, чтобы смотрела на меня не со смесью страха и ненависти — а по-другому. Хоть раз. Хоть одним взглядом без льда.

Хочу оберегать. Защищать.

Потому что, когда она потеряла сознание, мне стало не до бизнеса, не до мести, не до гордости. Мне стало до неё. Только до неё.

Глава 7. Света

Когда я пришла в себя, первое, что почувствовала, — не боль, а стыд. Горячий, липкий, как будто кто-то подсмотрел за мной в самый незащищённый момент. Щёки горели, сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди.

А он смотрел странно. Не так, как обычно — холодно, расчётливо, как на предмет сделки. Нет. Взгляд его был... жалостливым. Как будто ему было больно за меня.

Наверное, показалось, — подумала я, отводя взгляд. У таких, как он, нет места жалости. Только интересы.

Врач что-то ещё говорила. Но я уже перестала её слушать. *Ему нужен наследник. Пожалуйста, пусть занимается этим вопросом.*

Когда мы вышли, я сразу потянулась к сумке — там лежала папка с распечатанным списком витаминов. Месяц принимать. Подготавливать организм. А потом... потом попробовать.

Может, за месяц что-то изменится? Может, они договорятся с отцом?

Но он меня останавливает.

Он передумал? Из-за одного обморока?

Предлагаю ему обсудить детали. Соглашается, называет адрес ресторана.

Я еду на своей машине. Выезд — кошмар: шлагбаум, за-

тем узкий проезд, а сразу за ним двухполосная дорога с плотным потоком. Мне нужно встроиться и сразу же сделать разворот, но никто не пропускает. Машины мчались, как будто у всех горело. Я нервно постучала пальцами по рулю, чувствуя, как внутри снова поднимается паника.

И тут — чудо.

Передо мной резко остановился огромный чёрный внедорожник. Не просто остановился — встал поперёк встречной полосы, перекрыв движение. Из водительского окна высунулась рука в дорогих часах и махнула мне: проезжай.

Это был он.

Я проехала, сердце стучало в висках. Он не обязан был этого делать. Это было... Странно это было...

В ресторане он уже ждал. Стоял с сигаретой в руке — хотя, кажется, не курил. Просто держал. Как аксессуар.

Когда я подошла, он тут же открыл дверь, пропустил вперёд, помог снять пальто.

Эти джентльменские замашки выводили из себя.

На публику играет? — подумала я с горечью. *А дома, когда мы впервые говорили об этом... он был груб и циничен.*

За столом он попросил отложить обсуждение.

— Давай после еды обсудим, — попросил он. — Можем сейчас просто поговорить. Как два обычных человека.

Я кивнула. Аппетита не было. Передо мной лежал салат с креветками — свежий, красиво оформленный, но вкуса я не

чувствовала. Только хруст листьев под вилкой и собственное сердцебиение.

— Как дела? — спросил он вдруг. — Как отец? Как работа?

Я пожала плечами.

— Нормально. Уже лучше. Хорошо.

Он кивнул, но взгляд не отводил. Словно искал что-то за моими словами. За маской.

Молчание затянулось. Я не выдержала — достала листок с вопросами. Тщательно продуманные пункты договора: сроки, условия, медицинские процедуры, права на ребёнка, обязательства...

Но план рухнул с первой же строки.

— Я хочу детей, — сказал он. — Не одного. Много. Большая семья.

У меня перехватило дыхание.

Большая семья...

Я тоже мечтала об этом. В детстве мне было так одиноко одной. Хотелось брата, сестру, шум, смех, объятия. Но с любимым человеком. Не с ним. Не с этим чужим мужчиной с ледяными глазами.

— И... жена, — продолжил он, глядя прямо в глаза. — Настоящая. Со всеми... вытекающими.

Слово «вытекающими» повисло в воздухе, как угроза.

Супружеский долг.

Всё внутри сжалось. Мои надежды — что, может, всё

ограничиться одним ребёнком, что он отпустит меня после — рухнули, как карточный домик под порывом ветра. Остальные вопросы просто бессмысленны. Он не отпустит меня. Я буду в вечном рабстве с детьми...

— Я... неправильно вас поняла, — прошептала я.

Он не стал спорить. Просто сидел, наблюдая, как я теряю последние иллюзии.

— Выбора у меня нет, — сказала я, с трудом сдерживая дрожь в голосе. — Подготовьте список ваших требований. И у меня будет просьба. Можно... отцу как-то по-другому это преподнести? Он может плохо воспринять, если узнает, что это... сделка. Если с ним что-то случится... я аннулирую всё.

Он приподнял бровь.

— И как ты себе это представляешь?

— Ну... — я запнулась. — Мы с вами пообщались... и поняли, что между нами... взаимная симпатия. Что это не сделка, а осознанное решение двух взрослых людей.

Слова звучали фальшиво даже для меня.

Боже, что я несу? Какая симпатия?

На его лице мелькнуло то же самое: «Ты серьёзно?»

— Я-то подыграю, — сказал он спокойно. — Владимир мне нужен живым. Это в моих же интересах. Но ты... ты не вывезешь этой роли. У тебя всё на лице написано. И до симпатии там как раком до Парижа.

— Я справлюсь! — вырвалось у меня.

— Не верю.

— Я сейчас вернусь, — бросила я и вышла в туалет.

В туалете я уставилась на своё отражение. Бледная, глаза блестят от слёз, которые я не позволю себе пролить.

Чудовище. Ты меня плохо знаешь.

Я вспомнила театральный кружок в школе. Учительница говорила: «У тебя талант, Света. Ты умеешь быть другой».

Умылась прохладной водой. Сделала глубокий вдох. Ещё один.

Богатый. Надменный. Высокомерный. Прямо как мистер Дарси у Джейн Остин.

Ну что ж... Сейчас я тебе покажу Элизабет.

Перед дверью — последний вдох-выдох. И я вошла.

Плавно. Элегантно. Как настоящая невеста, как учила нас педагог по актёрскому мастерству. Улыбнулась. Не той фальшивой улыбкой, а... той, что светится изнутри.

— Извини, любимый, заждался? — произнесла я с лёгким придыханием, глядя прямо в его глаза.

Шок. Недоумение. Он буквально застыл.

— Ты чего стесняешься? — прошептала я, протягивая руку и осторожно касаясь его пальцев.

Он не отстранился. Наоборот — перехватил мою ладонь, начал медленно гладить большим пальцем. Тепло. Интимно. Невыносимо.

— Папа у меня строгий, — продолжала я, — но он клятвенно обещал, что мужа я выберу сама. А я... уже выбрала. Поэтому расслабься.

Он молчал. Только смотрел пристально, разглядывал моё лицо.

— Руслан, ну чего ты? — улыбнулась я, чуть наклоняясь ближе. — Папа подумает, что я принуждаю тебя жениться на себе. Скажи что-нибудь.

Он сглотнул. Кадык дёрнулся.

— Не принуждаешь... — прохрипел он. — Нет... Я сам хочу. Потому что люблю тебя.

И поцеловал мою руку. Глаза не отводил.

Хотелось вырвать руку. Залепить пощёчину. Убежать.

Лицемер. Обманищик. Чудовище.

Но я осталась. Улыбнулась ещё шире.

— И я этого хочу, — прошептала я и провела ладонью по его щеке. Щетина — три-четыре дня. Колючая. Настоящая.

Он закрыл глаза. Вздохнул. Почти с облегчением.

— Неужели неправдоподобно? — спросила я, убирая руку.

Он открыл глаза. И в них — растерянность. Опять рассматривает моё лицо, но на нём уже нет той маски.

— Я поверил, — сказал тихо.

Я чуть не рассмеялась.

— И отец поверит. Давайте возьмём месяц, мне всё равно готовиться. Конфетно-букетный период. Через месяц — свадьба.

— Надеюсь, ты не пожалеешь, — сказал он.

— Не пожалею, — ответила я твёрдо.

Но внутри уже плакала. Потому что вся моя дальнейшая жизнь будет сплошной игрой.

Глава 8. Руслан

Жду посреди этой проклятой комнаты с пастельными обоями и запахом лаванды — будто попал в чужую сказку, где всё слишком мягкое, слишком чистое, слишком... ненастоящее. Или наоборот — слишком настоящее, чтобы вынести.

— Извини, любимый, заждался?

Голос Светы — тёплый, не такой, как пару минут назад.

«Любимый».

Это слово бьёт прямо в солнечное сплетение. Я замер.

Кто? Я? Любимый?

Я бы обернулся, чтобы проверить, не ошиблась ли она, не зовёт ли кого-то другого, но мы одни в этой комнате. Только мы. И эта тишина между нами густая, плотная.

— Ты чего стесняешься? — шепчет она и протягивает руку.

Пальцы её холодные. Лёд. Я перехватываю её ладонь почти машинально, будто боюсь, что она исчезнет, если не удержать. Провожу большим пальцем по её костяшкам, чувствуя каждую трещинку, каждый изгиб. Её рука дрожит.

Она улыбается. Та самая улыбка с ямочками на щеках, как на тех фотографиях, которые я пересматриваю перед сном. Улыбка, от которой внутри всё переворачивается.

— Папа подумает, что я принуждаю тебя жениться на себе, — говорит она. — Скажи что-нибудь.

Я не думаю. Просто говорю:

— Я сам хочу. Потому что люблю тебя.

Слова вырываются сами, как будто годами ждали этого момента. Я целую её руку. Хочу передать тепло, вернуть ей кровь в пальцах. Хочу, чтобы она перестала дрожать. Хочу, чтобы она поверила.

Она смотрит на меня. По-настоящему. Глаза глубокие, без маски. И в них что-то живое. Настоящее.

— И я этого хочу, — шепчет она и гладит меня по щеке.

Я закрываю глаза. Всего на секунду. Дышу. Чувствую её лёгкое прикосновение. Мягкое, аккуратное. И в этот момент я почти верю. Почти позволяю себе надежду.

Но потом всё заканчивается.

Её рука отстраняется. Взгляд становится ровным, холодным. Улыбка исчезает, как будто её и не было вовсе.

Я понимаю, что это была игра.

Чёрт. Она ещё и актриса. Правду говорят — талантливые люди талантливы во всём.

Не знаю, как её отец, но я поверил — каждому слову, каждому жесту, каждой улыбке.

Хочу того же самого, только по-настоящему. Без игры.

А что, если этот месяц, который она просит, действительно сможет всё изменить? Узнает меня лучше, а я покажу себя — нормального, адекватного, а не это чудовище убогое... Буду ухаживать, дарить цветы, внимание, заботу. Я ведь могу сделать её счастливой. Могу. Хочу. Мне

нужен всего лишь шанс. Небольшой.

А если нет — смогу ли я её отпустить? Как чудовище отпустило свою Белль?

— Надеюсь, ты не пожалеешь, — говорю я, глядя в её глаза.

Этот месяц нужен нам обоим. Мне — чтобы доказать, что я достоин. Ей — чтобы увидеть, что я не монстр.

— Давай тогда договариваться про нашу легенду, — говорю спокойно. — Как мы встретились, как зацепились... Фото нужны совместные, как доказательства. Вот сегодня пусть будет первое свиданье, нормально? У них там фотозона красивая на входе, попросим нас щёлкнуть вдвоём.

— Мы же можем просто сказать и всё, — бросает она, но в глазах — паника.

Ага, слиться захотела, хитренькая.

Нет уж. Будем притворяться по-настоящему. Мне так надо. Мне так на руку.

Она молчит. Смотрит в пол.

— Свет, ты же понимаешь, что твой отец не поверит. А проверить ему не составит труда.

— М-гу... — мычит она задумчиво. — Я не подумала. Но я не хочу вас напрягать.

— Давай так. Где твой листок? Ручка есть?

Она достаёт блокнотик — маленький, в кожаной обложке, с потёртыми уголками. Видно, что носит его всегда.

Я переворачиваю лист, подвигаю чистой стороной.

— Пиши.

Пункт 1. Называем друг друга по именам и на «ты».

Пункт 2. Я приезжал узнать, как отец. Так и познакомились. Извинился. Требования снял. Пункт 3. Случайно встретились сегодня в ресторане. Обменялись телефонами. Начали общаться. Пункт 4. Завтра следующее свидание. Куда хочешь пойти?

Она пишет внимательно, сосредоточенно. Почерк ровный, чуть наклонный, с округлыми буквами. Женственный.

На последнем пункте вскидывает голову.

— В смысле?

— Свет, у нас пару дней до того, как Владимира выпишут. Когда вернётся домой, тебе нужно будет красиво преподнести новость и предоставить доказательства. А значит — активно их собирать.

— Куда хочешь? — повторяю. — Нужно узнать друг о друге хоть поверхностно. А то странная у тебя любовь получится: «Знать не знаю, но люблю, замуж хочу, пусти, папенька, пожалуйста...» Я бы хрен отпустил на его месте.

Она начинает грызть ручку. В голове идёт мыслительный процесс.

— Завтра я иду на мероприятие, — говорит тихо. — Можем вместе. Я попрошу ещё один билет.

— Что за мероприятие?

— Литературный вечер. Будут читать стихи — современные и классику.

— Хорошо. Договорились. Дресс-код?

— Ну не в спортивном, а так нет ограничений.

— Во сколько?

— В восемь. Я адрес скину сообщением... Ой, а у меня вашего номера нет.

Я стучу пальцем по списку — пункт 1.

— Привыкай, на «ты». Я заеду за тобой в семь. А номерами нужно обменяться.

Достаю телефон. Набираю её номер. Рядом, в кармане её узких джинсов, откликается вибрация.

— Только не вздумай сохранить по имени-отчеству, — предупреждаю.

— Руслан?

Уголок моего рта ползёт вверх.

— Можешь «Любимый».

Ловлю её взгляд — острый, колючий. Без слов понятно: *«Не дождѣишься»*.

На выходе прошу официанта сфотографировать нас.

Света натягивает свою невероятную улыбку — ту, что тихо сводит меня с ума. Я приобнимаю её за талию.

— А теперь посмотрите друг на друга, — просит официант.

Мы поворачиваемся.

И клянусь, всё, что угодно, готов отдать, лишь бы она смотрела на меня так — по-настоящему. Без игры. Без легенды.

Просто... по-настоящему.

Глава 9. Света

Он, наверное, прав. Папа не поверит просто так. Слишком хорошо меня знает, слишком хорошо чувствует фальшь.

Но вот что странно: он с таким рвением начал прорабатывать нашу легенду, как будто это нужно ему, а не мне. Будто он лично заинтересован в том, чтобы мы выглядели убедительно.

Я лежала в кровати и смотрела в тёмный потолок. За окном давно тихо, но сон не приходил. Мика улеглась рядом, свернувшись калачиком, и спокойно сопела.

А завтра мы идём вместе на мероприятие. Там будут мои знакомые, коллеги, партнёры. Люди, которые знают меня годами. Как мне его представлять? Знакомый? Но у нас вроде свиданье... по легенде. Парень? Он перерос уже это слово. Сколько ему, кстати? На вид сорок, может, сорок два. Мужчина? Звучит слишком официально. И неправда. Не мой он мужчина... Кто он мне тогда? Чудовище. Моё личное...

Усмешка скользнула по губам в темноте.

«Ребята, знакомьтесь, это моё личное чудовище, которое, по плану, должно уничтожить мою жизнь через месяц... Так?»

У всех нормальных людей есть парни, женихи, мужья. А у меня — чудовище в дорогом костюме.

День пролетел в суматохе, словно кто-то перемотал плёнку вперёд. В обед я заехала к папе в больницу. У него всё хорошо, стабилизация. Дядя Боря практически поселился у него в палате. ВИП-палата позволяет, да и отцу спокойнее, когда он рядом. Я поцеловала папу в макушку, пообещала быть завтра и уехала. Надеюсь, мой план сработает и он никогда не узнает правду.

Вечером, вернувшись домой, я быстро привела себя в порядок. Ритуал сборов помогал унять дрожь в руках.

Переодеваюсь. Брючный костюм нежно-голубого цвета, под ним — светлый атласный топ. Ткань приятно холодит кожу. Светлые туфли на устойчивом каблуке, сумка в тон. Волосы распустила, позволив волнам лечь на плечи. Лёгкий макияж, чтобы скрыть усталость, но не превратить лицо в маску. Капля любимых духов на запястья.

Готова ровно к семи.

Вибрация телефона на столе. Сообщение:

«Я подъехал. Жду».

Какой пунктуальный. Ни минуты раньше, ни минуты позже.

Проверяю пригласительные, телефон, карту, ключи. Всё на месте. Накидываю молочное пальто, делаю глубокий вдох и выхожу.

Он стоит возле машины. Вечерний воздух прохладен, но он без пальто, только пиджак. В руке опять сигарета. Он её

не поджигает, просто крутит в пальцах.

Заметив меня, смотрит. Опять странно. Не понимаю, что в этом взгляде: оценка, вызов или что-то другое, что я пока не в силах расшифровать.

Подходит, открывает мне дверь, придерживает ладонью, чтобы я не ударилась. Галантность, от которой становится не по себе.

Сажусь в салон. Пахнет кожей и едва уловимым табаком. Называю адрес.

Он заводит мотор, выезжает на дорогу и только потом нарушает тишину.

— Как дела?

— Нормально, — отвечаю автоматически.

И снова тишина. Гул двигателя, мелькание огней за окном.

— Света, ты спалишься в первые пять минут разговора с отцом, — его голос спокоен, но в нём звенит сталь.

— Что ты обо мне знаешь? Что ты ему будешь говорить?

— Я придумаю... — начинаю я, но он перебивает.

— Хорошо. Тогда мне просто поддакивать? Какую бы ахинею ты ни несла?

— Да.

Он делает глубокий вдох, выдох. Слышно, как напрягаются его плечи.

— Тогда просто слушай и запоминай. Времени у нас, на самом деле, не так много.

Он начинает говорить, и его голос меняется. Становится тише, будничнее, словно он читает доклад.

— Резников Руслан Александрович. Родился шестого февраля тысяча девятьсот восемьдесят первого года. Мне сорок пять лет.

Я украдкой смотрю на него. Сорок пять? Выглядит моложе. Но в глазах — тяжесть прожитых лет.

— Родился тут. Учился одиннадцать классов, троечник. Гуманитарные науки — не моё. Служил. Высшее техническое образование — инженер. Бизнес достался от отца в упадочном состоянии, всё пришлось восстанавливать практически с нуля. Положил на это жизнь.

Пауза.

— Женат не был. Детей нет. В свободное время отдыхаю дома, один, в тишине. Из родственников никого. Отец умер пять лет назад. Мать... — он заминается на долю секунды, но я замечаю. — Не знаю где. Бросила меня на отца, когда был маленьким. Воспитывала бабушка.

Мне становится вдруг неуютно. Эта биография звучит слишком одиноко.

— Люблю животных, но никого нет. В детстве был кот. Между морем и горами выбрал бы горы. Не люблю жару. Из еды люблю борщ, пюре и котлеты. Любимый цвет... голубой.

Я невольно касаюсь ткани своего костюма. Голубой. Совпадение?

— Из вредных привычек остался алкоголь, но умеренно

и редко. Курить бросил пару лет назад, но привычка осталась... иногда просто держу сигарету в руках, это успокаивает.

— Здоров. Хронических болезней, аллергий нет. Пятнадцать лет назад вырезали аппендицит. Что ещё?

В машине повисает тишина.

— Не знаю... — говорю я почти шёпотом. — Мне тоже нужно рассказать свою биографию?

— Биографию я знаю, — он поворачивается ко мне на светофоре. В глазах тот самый странный блеск. — Мне бы деталей. Типа: любимый цвет, блюдо, цветы. Что любишь, что нет. То, что не знают посторонние. Чтобы отец поверил, что ты видишь во мне мужчину, а не партнёра по сделке.

Я растерянно моргаю.

— Ну... цвет голубой, — бормочу я, глядя на свои колени. — Блюдо не знаю... Морепродукты люблю. Рыбку, креветки... Цветы — пионы. Люблю читать. Не люблю... даже не знаю...

— Работа нравится?

— Да.

— Какое место хотела бы посмотреть? Где ещё не была?

— Не знаю. Я не особо люблю путешествовать. Я тоже дома, в тишине, люблю отдыхать. С книгой.

Он кивает, словно ставит галочку в списке совместимости.

— Кого сегодня хочешь послушать? Есть любимые авто-

ры, стихи? Нам может понадобится культурный код.

— Сегодня, наверное, не будет таких, — я чувствую, как краснею. Говорить о личном с ним... странно. — Стихи? Из классики люблю Пушкина. Из современных никто особо не цепляет.

— Ммм, — он задумчиво барабанит пальцами по рулю. — «Я вас любил... любовь ещё, быть может...» Оно?

— Не «Онегин», отдельное стихотворение. Но да — Пушкин, классика.

— В школе через силу читал... а учил вообще с болью, — усмехается он, и эта усмешка делает его чуть живее.

— Ну и зря. Перечитал бы... Очень занятная вещь.

— Пункт один, Света. Давай тренируйся. Пока не доехали, говори, спрашивай. Только по имени и на «ты». Забудь про «Руслан Александрович» и дистанцию.

Я сглатываю. Назвать его по имени. Просто Руслан.

— Давай, Свет... Например: Руслан, ты был за границей? — подсказывает он мягко, но требовательно. — Давай дальше, Свет, — подбадривает он, и в его голосе впервые проскальзывает что-то тёплое. — Не бойся. Я не укушу. По крайней мере, сегодня.

— Хорошо. Так и... Руслан.

Я произношу его имя вслух, пробуя на вкус. Оно кажется тяжёлым, непривычным в сочетании с «ты». Делаю вдох, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ты был за границей?

Вопрос повисает в воздухе — слишком официальный, словно на собеседовании. Руслан даже не смотрит на меня, но уголок его губ подрагивает.

— Был. Уточняй детали, Свет.

— В каких странах ты был, Руслан? — я добавляю имя, как он учил, но звучит это натужно.

— В Китае и Японии.

— Тебе понравилось там? — я пытаюсь добавить немного тепла в голос. Изобразить заинтересованность женщины, а не следователя.

— Не особо. По работе ездил, устал как собака.

Его ответ сухой, лишённый романтики путешествий. Никаких впечатлений, только усталость. Мне нужно вытянуть из него хоть что-то живое для легенды.

— Тебе удалось посмотреть какие-нибудь достопримечательности?

— Нет. Аэропорт, офис, отель, аэропорт. Вот и вся поездка.

В его голосе звучит такая глухая усталость, что мне на секунду становится жаль этого человека, сидящего рядом. Чудовище тоже устаёт.

— А поесть местную кухню? — вопрос вырывается сам собой. Я просто тяну нить разговора, забыв о правилах.

Машина чуть замедляет ход. Руслан поворачивает голову.

— Переформулируй. С обращением, — просит он.

Я моргаю. Только сейчас осознаю: вопрос прозвучал

слишком естественно, слишком просто. Без контроля. Будто мы действительно просто болтаем о всякой всячине.

— Руслан, тебе удалось попробовать местную традиционную кухню? — повторяю я, уже сквозь зубы.

— Не знаю, насколько это было традиционно, но кормили паршиво. Мне не понравилось.

— А что там было? Совсем невкусно? — мне вдруг действительно становится интересно. Что не понравилось человеку, который любит борщ, пюре и котлеты?

— Свет, обращение тренируем... — напоминает он спокойно.

Меня прорывает.

— Да, блин... — вырывается у меня.

Руслан медленно поворачивается ко мне. На его лице появляется выражение искреннего, почти научного интереса.

— Интересно как... Я думал, филологи не употребляют в речи слова-паразиты.

В его голосе нет злости, только лёгкая насмешка. Он ловит меня на ошибке, как школьницу на диктанте. И хуже всего то, что он прав.

Я расправляю плечи, встречая его взгляд.

— Руслан, у тебя в корне неверное представление о филологах. Доволен?

— Приемлемо.

Он кивает, словно принял мою работу на оценку «удовлетворительно».

В этот момент машина плавно тормозит. Мы приехали. За окном вспыхивают огни ресторана, силуэты охранников, парадный вход. Реальность накрывает с головой. Репетиция окончена. Начинается спектакль.

— Сиди, я помогу.

Он не даёт мне даже опомниться. Выходит, обходит капот и открывает мою дверь. Протягивает руку.

Я смотрю на его ладонь. Широкая, уверенная.

Ну вот, вечер начинается...

Глава 10. Руслан

Не успеваю.

Слово, которое стало синонимом последних суток. Не успеваю подготовиться, не успеваю собраться с мыслями, не успеваю даже перевести дыхание. Встреча затянулась — как всегда, когда ответственные не подготовились основательно. Тянут кота за причинное место. Я злюсь.

— Завтра утром жду нормальный отчёт, — голос звучит резче, чем хотелось бы, но времени на вежливость нет.

Теперь мчусь по городу, нарушая всё, что можно. Светофоры мелькают красным, я жму на газ. Штрафы прилетят. Ну и пусть. Сегодня важнее другое.

Подъезжаю к дому Светы ровно в 18:59. Пишу ей, что жду. Выключаю двигатель, выхожу из машины. Достаю сигарету, верчу её между пальцами. Курить хочется до дрожи в кончиках пальцев, но держусь. Уши горят.

Света выплывает из калитки — словно облако. Светлое пальто, голубые брюки, светлые туфли и сумочка в тон. Ничего тяжёлого, ничего тёмного — будто специально игнорирует сезон. Но ей это идёт. Невероятно. Она вся — нежность, лёгкость, прозрачность. И я, в своём помятом костюме, чувствую себя грубым рядом с ней.

Подхожу, открываю дверцу. Помогаю ей сесть.

Машина трогается. Молчание. Опять.

Я пытаюсь завязать разговор — безуспешно. Тогда решаю просто рассказать о себе. Сухо. По фактам. Год рождения, образование, работа. Без цветов, без метафор. Богатого внутреннего мира у меня нет — не было времени его выращивать. Увлечений тоже. Жизнь — это график, дедлайны, отчётность. Всё остальное — роскошь.

Света отвечает коротко, вежливо. Опять выкает. Но у меня есть рычаг давления — наша легенда.

— Давай потренируемся на «ты», — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал легко.

Сначала идёт туго, как будто она себя перебарывает.

Потом включается актриса. Видно, как она собирает себя: подбородок чуть приподнимается, взгляд становится мягче, интонация — теплее. Играет хорошо. Очень убедительно. Но я замечаю момент, когда программа даёт сбой. Когда она вдруг спрашивает не по роли, а по-настоящему, как будто ей правда интересно.

Поправляю её. Раз. Другой. Она злится...

У ресторана помогаю ей выйти. Сам того не ожидая, подставляю локоть — жест, который никогда раньше не делал. Автоматизм? Или тело уже начало играть свою роль? Она сначала замирает, потом, через силу, берётся за мою руку. Ладонь едва касается моего рукава, но этого достаточно, чтобы я почувствовал, как напряглись мышцы в плече.

Внутри тепло, почти душно. Помогая с пальто, беру его,

сдаю в гардероб. Пока стою в очереди, наблюдаю за ней. Она уже разговаривает с кем-то — коллеги, видимо. Осанка идеальная, голова чуть наклонена вбок — знак внимания. Улыбка сдержанная, но глаза живые. Красивая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.